

мытое, смешанное с материальной субстанцией и, так сказать, еще более запачканное» («белый»).

Подобное решение грамматической проблемы было решением не просто философа, но философа-платоника. Иоанн Солсберий-ский, который сначала называет Бернарда «самым щедрым источником словесности в наше время» (написано около 1160 г.), в дальнейшем характеризует его как «самого совершенного платоника нашего века». В доказательство он приводит четыре строки не дошедшей до нас латинской поэмы Бернарда: «То, что есть, чему я приписываю бытие, не есть компонент, состоящий из двух частей и содержащий форму, захваченную материей; то, что есть, чему я приписываю бытие, заключено в какой-то из этих частей, одна из которых по-гречески называется «Idea», а другая носит название «Yle» (hyle) (материя)». Далее Иоанн уточняет позицию Бернарда. Стоики считали, что материя и идея одинаково вечны в Боге; эпикурейцы, отрицавшие провидение, полностью исключали идею; напротив, Бернард сохранял ту и другую, но отказывался считать их «равновечными» в Боге. В согласии с отцами Церкви, в частности со св. Августином, он учил, что материя сотворена Богом. Что же касается идеи, то он допускал, что она вечна, как само провидение, но полноту вечности он признавал лишь за тремя Божественными Лицами, у которых одна природа и нераздельное действие. В самом деле, идея не может быть по степени равна Богу: ее природа в каком-то смысле вторична; она — словно результат (*velut quidam effectus*), сокрытый в недрах божественного совета, — безусловно вечная, поскольку не зависит ни от какой внешней причины, но не «равновечная» Богу, поскольку зависит от Него.

Как ни скудны эти сведения, они весьма поучительны. Из них мы можем сделать вывод, что платонизм Бернарда исходил из нескольких источников, а не только из произведений самого Платона. Вдохновляясь определением идей, принадлежащим Сенеке

(«*eorum quae natura fiunt exemplar aeternum*»*), он, вслед за Боэцием, обозначает реальность выражением «то, что есть» («*id quod est*»); материю он называет «Yle» (Λ)A,r|) — подобно читателям комментария Халкидия к «Тимею» Платона; наконец, Бернард христианизует Платона — как это уже делал св. Августин, — утверждая тварность материи и отождествляя идеи с божественной мыслью; однако в этом последнем пункте он несколько видоизменяет учение Августина, привнося в него некоторые штрихи из Дионисия и Эриугены: он не осмеливается сказать, что идеи тождественны Богу и, следовательно, вечны в Нем. Этот комплекс мыслей типичен для целой группы произведений XII века, либо непосредственно вышедших из Шартрской школы, либо написанных под ее влиянием. Уметь распознать этот несколько эклектичный платонизм тем более важно, что он будет оказывать свое неявное влияние вплоть до первой трети XIII века и затем сольется с другими учениями платонического толка, усиливаясь ими и усиливая их. И все-таки, хотя доктрина Бернарда — типично шартрская, она не исчерпывает богатства Шартрской школы. Мы вскоре увидим, как в этой плодотворной среде сложилась другая доктрина, в той же степени изощренная и запутанная, в какой доктрина Бернарда была изящна и раскованна с литературной точки зрения. Это, наконец, нужно признать, ибо влияние Гильберта Порретан-ского (Жильбера из Порре) будет глубоким и продолжительным, возможно, даже более глубоким и продолжительным, чем это позволяют утверждать наши нынешние исторические познания.

Ученик Бернарда Шартрского Гильберт Порретанский (1076—1154)** сменил его в должности канцлера шартрских школ; в 1141 г. он преподавал в Париже и умер епископом Пуатье. Замечательный наставник, он вместе с Теодориком (Тьерри) Шартрским, Гильомом из Конша и Абеяром вел успешную борьбу за свободные и серьезные научные занятия против так на-